

Ева Полынь

18+

Синий платочек

Ева Полянъ

**Синий платочек. История
несвободной любви**

«Автор»

2026

Полынь Е.

Синий платочек. История несвободной любви / Е. Полынь —
«Автор», 2026

Деревня, 60-е. Здесь позор страшнее смерти, а долг — сильнее любви. Жизнь Насти делится на «до» и «после». До — это детство под крылом отца, летние грозы, запах солидола и подаренный щенок Дружок. После — это ранний брак с нелюбимым, побои, пьяный воняющий муж и одна-на-один с деревенским «а что люди скажут?». Её единственная ошибка — родиться женщиной во времена, когда у неё есть права на бумаге, но нет права на свой выбор. Её единственная опора — верный пёс, последняя ниточка к той, прежней жизни. Это не история о красивой любви. Это история о ежедневном выживании души. Смогут ли раны затянуться? Есть ли надежда на счастье в мире, где для общества ты просто приложение к мужчине?

© Полынь Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ева Полынь

Синий платочек. История несвободной любви

Пролог

Праздник вышел нелепым и неловким. Гости гремели посудой, угощались деревенскими явствами, запивая компотом, брагой, самогоном.

Жених пил со всеми подряд. Поздравляли его, а про невесту будто забыли - словно Насти и не было в этой комнате. Она смотрела на перекошенную, пьяную гримасу суженого. Девушке становилось мерзко от мыслей, что будет дальше.

Люди чавкали, вытирали покрасневшиеся лица рукавами, проливали напитки на скатерть. В доме стояла тяжёлая вонь от алкоголя и пота.

Аглая суежилась - убирала грязную посуду, вытирала стол, приносила новые блюда.

Наконец, под свисты и улюлюканье, молодожёнов проводили в комнату. Жених едва держался на ногах. Его бросили на койку прямо в одежде - юноша сразу захрапел. Настя села на стул.

За стеной продолжался праздник: звенели стаканы, разливалась гармонь. Она смотрела на новоиспеченного мужа и думала:

"Неужели теперь так пройдёт вся моя жизнь?..."

Настасья достала синий платочек, который хранила у самого сердца, и прижала его к губам.

Глава 1

— Настёна, гляди-ка скорей! — Макар поднял у берега серый плоский камень и запустил его в реку.

Камень полетел над гладью, чиркая плоским краем по воде. Совершив пять или шесть прыжков, он нырнул в прохладную глубину и пропал.

Ребятишки обожали прибегать летом на речку и играть в «блинчики». Нужно было изловчиться и бросить камень так, чтобы он несколько раз отскочил от поверхности воды, прежде чем уйти на дно. Камень следовало пускать под низким углом — почти параллельно воде.

— А я и дальше Макарки могу! — Егор схватил камень и со злостью швырнул его. Камешек лишь один раз чиркнул и тут же утонул.

— Камень кривой попался, — буркнул он. — У Макарки под ногами всё ровное лежит. Специально он так встал.

— Да я всё равно всех перекидаю, — Настёна рассмеялась.

Чёрные прядки, выбившиеся из косы, ветер трепал неугомонно. Они лезли ей в глаза и рот, а Настя неуклюже смахивала волосы ладошками, но ветер не унимался. Карие глаза девочки блестели от смеха.

Ребята дружили с детства — жили по соседству. Только Настёне вечно приходилось мирить мальчишек. Егор всё норовил быть лучше Макара — быстрее, сильнее. Бывало и до драки доходило, Настя их растаскивала.

— Бежим купаться! — весело позвала она и с хохотом сиганула в воду прямо в платье. Мать не велела ей купаться без отца. Он часто водил дочь на реку, особенно в жару, когда палящее солнце так припекало, что кожа на плечах и носу начинала сходить.

— Ей-богу, лягуша! — смеялся он. — Настёна, вылезей уже — губы посинели, как у рыбёхи!

Но Настя только заливалась смехом. Тогда отец сам заходил за ней в воду, закидывал через плечо и выносил на берег, от чего девочка хохотала ещё пуще.

— Мамка не велит купаться, — крикнул Егор.

Настёна с Макаром уже всю плескались в прохладной чистой воде и нарочно обливали друг друга. Егор сперва топтался на берегу, затем сдался и заходил в воду по колено.

— Мамка говорит, утопнем! — орал он. Да ребята его будто не слышали.

Крупные брызги летели Егору в лицо, и он тоже включался в игру. Нарезвившись вдоволь и остудив свои разгорячённые головы, усталые, ребята неспешно брели домой. Пока они доходили до деревни, одежда успевала высохнуть.

Аглая хлопотала у плиты. Николай Семёнович сидел за столом и поглядывал на жену. — Ох и обрадуется Настёна-то наша! — приговаривала она. Лицо Аглаи покраснело от жары, на лбу выступила испарина.

Это хрупкая, обычно чуть бледноватая женщина. Её русые волосы были собраны в аккуратную косу, поверх — чистая белая косынка. Женщина была болезненной с самого детства, и очень ранимая. Замуж Аглая по большой любви вышла (хотя муж был сильно старше её), мечтала родить много детей, да здоровья хватило только на Настёну, больше Бог не дал.

Николай Семёнович был вдовцом, когда повстречал юную Аглаю. Высокий, статный, с чёрными кудрями, уже тронутыми сединой на висках. Глаза карие, глубокие, брови густые, нахмуренные. Вид у него был грозный, но стоило заговорить — становилось ясно: добрее человека не сыщешь.

Он прошёл войну, но не озлобился. Иногда только по вечерам сидел на крыльце, курил самокрутки, поджигал их трофейной зажигалкой и долго смотрел вдаль. Детей у Николая не было, он, как и жена, грезил о большой семье. А раз Настёна была ребёнком единственным — купалась в родительской любви без края.

— Обра-а-адуется! — с довольным видом протянул Николай Семёнович. — А то спрятать его может А, Глаш? Он встал, прошёлся по комнате. — Стрекоза какая ждём-пождём, а ей хоть бы что, — ворчал он, пряча волнение.

Настёна вошла в калитку, бойко вбежала на крыльцо. Перед дверью остановилась — поправила непослушные волосы, платице, оглядела себя: всё обсохло, можно входить. Она толкнула дверь плечом — и в ту же минуту к её ногам подкатился чёрный мохнатый комок.

Щенок поставил лапы девочке на ноги и горячим языком облизывал ей коленки.

— Ай! — ахнула Настя. — Да не бойсь, — улыбнулся отец. — Он махонький ещё, а вырастет крупным, гляди, лапищи-то какие!

Отцовские чёрные глаза смотрели на дочь из-под густых бровей с теплотой. Настя была для него светом в окошке. Она давно просила собачонку, да мала была. А тут девятые именины — совсем большая стала. Вот и решил отец мечту исполнить.

Девочка присела на корточки. Щенок мигом переключился на лицо — подпрыгивал на задних лапках и резво махал хвостиком. — Дружок, Дружок его назовём! — восторженно кричала Настя. Она обнимала нового жителя и громко хохотала, а щенок радостно обнюхивал и облизывал её. — Спасибо, папка! Это теперь мой самый лучший друг! — говорила, улыбаясь, девочка.

Она подбежала к отцу, обвила его крепкую шею тонкими ручонками. От него пахло табаком и солидолом, борода щекотала Настину щёку.

— Ну будя, будя, — чуть отстраняясь от объятий, смущённо сказал отец. — Настёна, ты взрослая уже, а ведёшь себя как пострелёнок. — Пострелёнок, пострелёнок, — вторила Настя, на одной ножке подпрыгивая к матери. — Мама, мамулечка! Какие вы хорошенькие у меня.

Аглая взяла в ладони лицо дочери и чмокнула в лоб. — Доченька наша, будь всегда такой счастливой. Больше нам с отцом ничего не надо, — мать прижала её голову к своей груди и гладила по макушке, по этим чёрным, как у отца, кудряшкам. И так хорошо ей на сердце было, так тепло да радостно. Чего же ещё желать в этой жизни? Дом — полная чаша, муж любящий, работающий. Дочь красавица, умна не по годам, здоровья у девки на троих хватит. И всё у них есть, и всего хватает. А коли чего нет, Николай Семёнович обязательно добудет, достанет, — думала Аглая, глядя на мужа. Вон и печку сложил новую, и на толкучке выменял красивую шерстяную кофту жене на день рождения.

— Ну что, Настён, идём хоть будку смастерим Дружку, — сказал отец, вставая с табурета. — А мать как раз пирожков нажарит. — Нажарю, — улыбаясь, подтвердила Аглая.

— Дружок мой, пойдём тебе строить дом, — Настя сгребла щенка в охапку и потащила к дверям. Щенок был упитанный, тяжёлый, девочка еле держала его на руках.

У крыльца уже были подготовлены дощечки. Николай Семёнович их заранее зашкурил, чтобы Настёна занозу не загнала.

Он ловко забивал гвоздь за гвоздём, а Настя в это время играла в догонялки с новым другом. Он, правда, не понимал ещё, чего от него хочет новоиспечённая хозяйка, поэтому просто радостно вилял хвостом да норовил прикусить или лизнуть девочку. Когда будка была готова, Настя с отцом густо набили её соломой.

Из дома уже потянулся аромат жареных пирожков с капустой, такой сладкий и манящий, что живот сам невольно урчать начинал.

Девочка сбегала домой, выбрала для щенка самую глубокую миску, налила в неё козьего молока и пошла угощать друга, прихватив тайком со стола румяный, дымящийся пирожок.

— Ешь, мой хороший, — девочка поставила перед щенком тарелку с молоком.

Щенок жадно вылакал молоко, умял пирожок до крошки и тут же свалился спать в своём новом домике.

Глава 2

Настя тихонько спустилась с крыльца по ступенькам.

— Друженька, просыпайся, — девушка поставила на землю миску с кашей. Из будки высунулась огромная, чуть ли не в два раза больше человеческой, собачья голова. Заспанная, мохнатая морда зевнула, обнажив острые клыки.

— Я вернусь не позже полудня, а ты охраняй мамулю, покуда папка с ночной не воротится, — девушка чмокнула пса в нос, поправила косынку потуже, взяла бидон для ягод и вышла за калитку. На деревню только-только просочились лучи утренней зари, стоял густой туман, роса покрывала ледяной серебряной пылью траву и деревья.

Настя шла по дороге и слегка ёжилась от прохлады, натягивая рукава кофты на ладони. «Какое лето нынче зябкое», — думала девушка. «Ягод мало будет, как варенье на зиму наварить». Она ускорила шаг. «Макарка, поди, заждался уж...»

Сквозь туман проступила знакомая берёзка, под которой они всегда с Макаром встречались. Рядом с деревом виднелся высокий силуэт в фуражке. Настя почувствовала, как сердце забилось чаще, а щёки залило горячим румянцем.

— Настасья Николаевна, неужто проспали? — хохотнул Макар. Он стоял с ромашкой в руке и улыбался. — Озябла, небось? — Не больно-то... руки только что ледышки, — смущённо промолвила девушка. — Ну, айда, сейчас согреешься, — Макар накинул ей на плечи свою фуфайку и заправил ромашку под косынку в районе уха. — Идём, стрекоза, пока все ягоды без нас не разобрали, — он взял бидон из Настиных рук и зашагал вперёд.

Настя пошла следом. Тропинка была узкой, поэтому она шла позади Макара. Теперь можно было, не таясь, разглядывать его во все глаза. Твёрдая, уверенная походка. Размашистые шаги, за которыми Настя едва поспевала, широкие плечи. Из-под фуражки выглядывали прямые русые волосы. Рубаха колыхалась на нём от ходьбы и лёгкого ветерка, то и дело прилипая к телу так, что угадывались контуры крепкой спины.

Макар чувствовал на себе этот обжигающий взгляд, и щёки его пылали. Юноша сжимал в руке деревянную ручку бидона — ту самую, что секунду назад касалась Настиных пальцев, и от этого ладонь будто пронзало лёгким током. Шёл бы так и шёл всю жизнь, лишь бы она шагала за ним следом.

— Макар, долго ли ещё идти? — наконец заговорила Настя. — Да не бойсь, скоро придём. Коль устала, давай на закорки. Девушка залилась хохотом. — Дурень ты, Макарка, чай не дети уже. А кто увидит, как ты меня на спине тащишь? — Та и пущай видят, нам-то что, — равнодушно ответил Макар, повернувшись к попутчице. И добавил, уже улыбаясь: — Я, Настён, такую поляну сейчас тебе покажу, ахнешь!

Девушка смотрела в его зелёные глаза и не могла оторвать взор. Затем мысленно одёрнула себя, поскольку взгляд затянулся. «Скромнее надо быть, нечего так таращиться. Что он о тебе подумает? Мы же друзья. Друзья так друг на друга не глазеют». А вслух сказала: — Скорее бы уже дойти, а то вдруг приведёшь меня, а собирать-то и нечего, — и она вновь захохотала. — Смейся-смейся, сейчас увидишь вот, — Макар сорвал ещё мокрую от росы травинку и стряхнул её на девушку. — Ах ты! — вскрикнула Настя. — Ну держись, Макарка, сейчас поколочу тебя! — девушка подняла руку вверх, чтобы сбить фуражку с головы юноши, но он ловко её перехватил. Несколько секунд они так и стояли с поднятыми вверх руками. Макар смотрел на Настю и не мог оторвать взгляд от её лица. Вот кудряшка выбилась из-под косынки, вот черные густые ресницы обрамляют большие карие глаза, родинка под губой, румянец на щеках. Как же она невыносимо красива!

Юноша уговаривал себя отпустить Настину руку, но пальцы не слушались, они мягко сомкнулись на запястье девушки, и он чувствовал под тонкой кожей частый, живой пульс.

Настя смотрела на Макара снизу вверх, и ей казалось, что через секунду она грохнется в обморок.

Наконец юноша нашёл в себе силы и аккуратно опустил руку своей попутчицы. — Настён, пришли уже! — буднично произнёс он. А сердце колотилось так, словно сейчас выскочит из груди прямо к ногам девушки. — А я уже думала, и к вечеру не дойдём, — смеясь ответила Настя, чтобы скрыть бушующие внутри эмоции.

Туман уже почти рассеялся, и впереди показался крутой пригорок, сплошь усыпанный низкими кустиками дикой клубники. Ягоды алели повсюду — мелкие красные пятнышки на зелёном склоне.

— Добро пожаловать, Настасья Николаевна, — сказал Макар и широким жестом предложил девушке пройти вперёд. — Ох, красота, — обрадовалась Настя. — Идём же скорее!

И, как в детстве, побежала вприпрыжку.

Макар шёл следом, улыбаясь, покусывая соломинку, сорванную по дороге. На сердце было тепло от её простой детской радости.

Солнце поднялось уже высоко, но то и дело пряталось за тучами. Когда бидоны наполнились, стало видно — ягода в этом году мелкая, но спелая и душистая.

Макар расстелил на землю фуфайку: — Присядь-ка, я мигом.

Настя села, поставила рядом бидон и смотрела, как он поднимается по склону широкими шагами. Когда юноша скрылся из виду, взгляд её невольно потянуло к небу: тяжёлые тучи медленно кружили над поляной, нависая всё ниже.

Девушка сидела, машинально обрывая лепестки ромашки, когда Макар вдруг плюхнулся рядом. — Лопай, стрекоза, — сказал он, протягивая фуражку, в которой красовались алые ягодки земляники. — Где ж ты это взял? — удивилась Настя. — Земляники — то нынче, в такую прохладь, днём с огнём не сыщешь. — Это останется моей тайной, — рассмеялся Макар. — Лопай, да и домой пора. Тучки-то ходят... не ровён час, хлынет.

Настя взяла фуражку в ладони.

— Давай вместе, ты тоже ешь. Нашёл же где-то...

Она протянула фуражку ближе. Макар хотел придержать её, и в этот же миг его ладонь коснулась Настиной руки. По спине пробежала лёгкая дрожь, словно от ветерка.

— Настён, давай-ка ягоды пересыплем в бидон да пойдём, — сказал он. — Тучи-то сгущаются.

У Насти от прикосновения ёкнуло сердце, а щёки вспыхнули жаром, поэтому предложение показалось самым уместным на свете. — Да, пора. А то мама волноваться начнёт.

Она быстро вскочила, не дав юноше помочь, поправила косынку, отряхнула юбку и аккуратно пересыпала душистую землянику из фуражки в бидон — поверх клубники. Макар подхватил в обе руки тару и сказал:

— Шагай, Настён, дорогу знаешь. Я следом пойду.

Девушка пошла по еле заметной тропинке. Тучи сгущались всё сильнее, и вокруг быстро темнело, будто вдруг подступил вечер.

— Ох, Макарка, не успеем до грозы-то... — встревоженно сказала девушка. — Не бойсь, стрекоза, в лесу переждём, коли ливанёт, — успокоил её Макар, а сам с досадой подумал, что не прихватил с собой спичек: даже костра не развести.

Гром грянул так резко и близко, что Настя невольно присела.

— Настён, бежим в лесок! — крикнул Макар и прибавил шаг, но оставался позади попутчицы.

Гроза набирала силу, и вскоре посыпался мелкий колючий дождь. Настя рванула в сторону ельника, что зеленел неподалёку.

— Стрекоза, давай сюда! — Макар кивнул в сторону густых ёлок. Они стояли тесно, ветви переплелись над головой плотным навесом, не давая дождю просочиться.

Ребята, смеясь и переводя дух, втиснулись под колючий зелёный купол. Дождь уже лил вовсю, щедро поливая землю и листву.

Макар поставил бидоны к ногам и взял Настю за руку.

— Ух ты, лягушка, руки-то совсем заledenели.

Он быстро расправил фуфайку, накинуд ей на плечи и засунул её холодные ладони в тёплые рукава. Потом опустилс на колено и принялся застёгивать пуговицы. — Теперь не замёрзнешь. — Спасибо... — тихо сказала Настя.

Щёки её снова вспыхнули. Сердце колотилось так бешено, что, казалось, будь раскаты чуть тише, Макар непременно бы его услышал. Вновь раздался гром, и молния сверкнула ярко, что на мгновение вокруг стало светло. Девушка вздрогнула, пошатнулась — и в следующее мгновение оказалась в объятиях Макара.

Юноша подхватил её и, стараясь звучать спокойно, прохрипел:

— Ну ты и трусиха, стрекоза...

Он нервно усмехнулся и разжал руки. В горле пересохло, плечи свело, всё тело натянулось, будто струна, — но юноша из всех сил делал вид, что ничего особенного не произошло.

— И ничего я не трусиха, — еле слышно ответила Настя.

Ещё несколько секунд она ощущала тепло его крепкого тела, твёрдые мышцы под промокшей рубашкой, слышала частое биение его сердца совсем рядом, у самого уха. Лёгкая дрожь пробежала по ней, предательская, тонкая... А сердце билось часто-часто, будто гроза гремела уже не в небе, а в ней самой.

Юноша заметил, что Настя смутилась.

«Вот же дурак, руки распустил... Что она теперь обо мне подумает?» — корил он себя.

А сам мысленно смаковал этот миг: те несколько секунд, когда она была так близко. Макар успел почувствовать её тепло, уловить сквозь косынку запах её волос — такой родной и манящий, что перехватывало дух, её взгляд, слегка испуганный и смущённый, капельки дождя на длинных ресницах. И сердце сладко сжималось от переполнявших его чувств.

Девушка стояла в полуобороте, совсем близко, смотрела себе под ноги и нервно водила носком калоши по рыхлому ковру из хвойных иголок.

«А если он заметил, как я краснею? Если услышал, как стучит сердце?... Отчего оно так стучит? Разве это правильно?» — тысяча вопросов кружилась в Настиной голове, но ни на один не находилось ответа.

— Настён, дождь-то закончился, идём домой, — нарушил молчание Макар. — И правда, — сказала девушка, выглядывая из-под густых, колючих ветвей. — Надо бы поспешить: время к полудню, а мы всё ещё из леса не вышли. — Не продрогла? — юноша по привычке потянулся было к её руке, но вовремя одёрнул себя. Он видел её смятение и не хотел смущать ещё больше. — Нет, я согрелась, спасибо, — Настя сняла фуфайку и протянула хозяину. — Настасья Николаевна, я по-вашему её в зубах понесу? — рассмеялся Макар, кивнув на бидоны в обеих руках. — Ух, Макарка, поколочу! — подхватила девушка и рассмеялась в ответ.

Ей сразу стало легче на душе. Всё как раньше, как всегда: Макар дуркует, Настя хохочет. От этой мысли сделалось так светло и радостно, что она забыла, как всего полчаса назад не могла поднять глаз на друга.

В воздухе витал тот неповторимый аромат, который бывает только после грозы. Мир стал будто ярче: на траве лежали крупные капли воды, от того она казалась ещё зеленее; в лужах отражались облака, плывущие по небу, птицы затянули свою мудрёную песню.

— Макар, ты не провожай меня, — сказала Настя, вручая юноше фуфайку. — Эка невидаль, в первый раз что ли? — удивился он. — Сама добегу, — ответила девушка. — Как знаешь, — отозвался Макар, передавая ей бидон. Он расстроился, но виду не подал. — Иди, я погляжу, пока в деревню не зайдёшь.

Юноша остался стоять возле их берёзки, глядя вслед удаляющейся фигуре. «Обиделась?» — размышлял Макар.

Но тут вновь его захлестнули воспоминания: её тёплое дыхание, испуганный взгляд, аромат волос. Макар широко улыбнулся, сдернул фуражку с головы, зажмурился и уткнулся в неё лицом. Счастье наполняло его сердце до края — оттого, что сегодня была гроза.

Опустив фуражку, юноша увидел, как Настя скрылась в проулке, и отправился домой.

Глава 3

— Настюх, здорово!

Девушка вздрогнула от неожиданности. Обернувшись, она увидела, как из-за забора выглядывает белёсая макушка.

— Здравствуй, Егор, - улыбнулась Настя. Парень лихо перескочил через плетень и вмиг оказался рядом.

— По ягоды ходила? Угостишь? — не дожидаясь ответа, он зачерпнул пригоршню земляники из бидона — той самой, что собирал Макар, — и с удовольствием принялся есть, причмокивая и жмурясь.

Настя нахмурилась: — Ты бы хоть черепеню принёс. Я бы отсыпала. — Да ладно тебе, мы не гордые, из ладошки отведаем, - отшутился Егор. — По ягоды... Да вот под грозу попала, представляешь? — ответила девушка.

Но внутри стало не по себе от такой выходки.

— Озябла небось? — прищурился Егор. — Пойдём, чаю налью? — Некогда, — отказалась Настя. — Мама, поди, заждалась, волнуется. — А пойдём как -нибудь вместе ... И Макар с нами — втроём, как раньше?

Егор усмехнулся, но улыбка вышла кривоватой. — Не, Настюх. С тобой — хоть куда, ты же знаешь. А с Макашкой — ни в жизнь.

Он высыпал помятые ягоды обратно в бидон и вытер ладонь о штанину. — Проводить тебя? — Не надо. Тут две избы осталось, сама дойду.

Настя легко хлопнула Егора по плечу и направилась к дому. — Ну бывай, — бросил он ей вслед. Егор проводил девушку взглядом, а потом скрылся за калиткой.

"Эх, Настюха...", — подумал юноша. "Сдался тебе этот Макашка".

Егор присел на завалинку и потёр затылок. Так горько стало на душе — какая-то детская обида разрушила их дружбу. Столько счастливых мгновений они пережили вместе! Делили свои детские печали и радости, зимой катались с горки, летом воровали яблоки у деда Игната. Как же хорошо было в детстве.

А Настя - то красавицей стала... Степенная, добрая. Даже Егору по рукам не надавала, когда он в бидон залез.

Ему вдруг стало стыдно за свой поступок.

"Вот же дурак... И вправду, мог бы черепеню принести. Сдались мне эти ягоды," — корил себя Егор, и чем дольше об этом думал, тем злее становился на самого себя.

Настя подошла к калитке — её встретил радостный лай. — Дружочек мой! — она захлопнула за собой дверцу и принялась ласково чесать и похлопывать пса. Тот облизывал ей лицо, ставил лапы на плечи, от чего девушка едва удерживала равновесие. — Ну полно дуреть, ягоды рассыплем, — смеялась Настя. Она как всегда, чмокнула пса в нос, почесала за ухом и направилась к избе.

На крыльце уже стояла Аглая. Вид у неё был встревоженный.

— Дочь, ты почто не сказавшись ушла? — женщина нахмурила брови, и меж ними появилась глубокая складка. — Мамочка, я ж давно за ягодами собиралась, будить не хотела, — улыбнулась Настя. — Прости, что долго: гроза разыгралась, пришлось в ельнике переждать. Отец не ругался?

— Да когда он на тебя хоть посмотрел косо, — ответила Аглая, и складка между бровей понемногу разгладилась. — Айда в избу, голодная поди. — Очень, мамочка. Не злишься? — Настя положила голову ей на плечо. — Лиса ты, а не девка! Заходи давай, я шей наварила. И пирожки твои любимые постряпала. — Уух, мамуля! — Настя обхватила лицо матери ладонями, крепко чмокнула в щёку, подхватила бидон и радостно взбежала по ступенькам. — Стре-

коза вернулась, — улыбнулся отец, когда девушка оказалась в дверном проёме. — Да не одна, а с добычей! — ответила Настя, протягивая вперёд тару, полную ягод. — Вот хозяйшка - то, а, Глаш? Смотри - ка, какая у нас умница дочь.

Аглая согласно кивнула, накрывая нехитрый стол.

Летний вечер опускался на деревню. Настя вышла на крыльцо с миской каши в руках.

— Дружок, вечерять!

Пёс вышел, из-за сарая, потягиваясь после сладкого сна. Будка у него была добротная, но временами он предпочитал спать под скамейкой у сарая или в тени под крыльцом. Настя поставила миску, и пёс с удовольствием принялся за еду. Девушка присела на ступеньку, дожидаясь, пока друг окончит трапезу. Дружок вылизал миску до чиста и лёг рядом, положив тяжёлую, тёплую голову ей на колени. Настя чесала его за ухом, по спинке, перебирала густую шерсть, а пёс прикрывал глаза от блаженства.

Они были вместе с самого детства. В лютые морозы Настя тайком запускала Дружка в избу, и как родители не противились — поделаться ничего не могли. — Тогда и я буду спать на улице! — топала ногами маленькая хозяйка.

Родителям оставалось только сдаться и пустить пса ночевать в доме. А однажды Настя потерялась. Николай Семенович с Аглаей оббегали всю деревню, искали даже у реки - дочери нигде не было.

Тогда отцу пришла в голову мысль заглянуть в будку. И там, на теплом мохнатом боку Дружка, сладко посапывала его пропажа. Пёс лежал не шелохнувшись, боясь потревожить сон хозяйки.

Вдруг Дружок зарычал, шерсть на холке встала щетиной.

— Ты чего, малой? — Настя похлопала пса по спине.

— Настюх... — донёсся шёпот из-за забора.

Пёс поднялся на лапы и встал перед хозяйкой, прикрывая её собой. — Тьфу ты, Дружок! Это же Егорка, не признал? Сидеть! Настя усадила пса у будки и подошла к калитке. — Ты чего в потьмах ходишь? — сказала она, выглянув поверх дверцы. — Да я это... вот, — Егор неловко протянул букет полевых ромашек. — Зачем? — Ну, ты мне ягоды, я тебе вот. — Тогда ладно.. спасибо, — Настя взяла цветы и тише добавила: — Только ты больше так поздно не ходи, чего люди - то скажут. — Ну я пойду... — Иди Егор.. поздно уже.

Девушка смотрела как он исчезает в темноте, потом пошла на летнюю кухню, налила в ведёрко воды и опустила туда нехитрый букетик. Поставила его на скамейку и отправилась домой.

Егор плёлся по улице в сумерках к своей избе. " Даже калитку не захотела отворить. А Макарке бы открыла, небось. Может и впрямь поздно пришёл... Надо было с утра. "

С этими мыслями он добрёл до дома и сел на завалинку. Сна не было. "Почему Макар? Я чем хуже? Что в нём такого ? "

— Егор, хватит шастать, — донёсся голос отца. — В избу заходи. Ночь на дворе. — Иду, батя, — отозвался юноша, поднимаясь.

Мать умерла, когда Егору было одиннадцать лет. Болела долго. После неё растила мальчика бабка Татьяна — мать Петра Анатольевича, отца Егора, и ту похоронили в прошлом году.

Бабка его любила, да была шибко строгой. А отец... Егор его боготворил, но тот лет до четырнадцати иначе как "щенок" сына не называл, лупил его часто. Да и сейчас нет - нет да поколачивал: то подзатыльник зарядит, то пинок под зад. Со временем, слепое обожание Егора сменилось ненавистью, но перечить отцу юноша не смел — боялся.

Егор окончил школу и работал трактористом в колхозе. Иной раз ездил с отцом на базар в город продать что - нибудь со своего хозяйства — мясо, сметану, яблоки из сада.

Два мужика в доме — так что жили не бедствовали, деньжата имелись. К тому же Пётр Анатольевич был хапугой, жадным до ужаса. Егор вошёл в избу, стянул с себя сапоги, бросил их у порога и, не раздеваясь завалился на кровать.

Так, в мыслях о Насте, он и уснул.

Глава 4

— Мама, ну ты у меня золотая! — Настя смачно уплетала блины со сметаной, которые с утра нажарила Аглая. — Самые вкусные блины на свете, веришь? Женщина улыбнулась:

— А ты разве все на свете блины пробовала? — Чтобы знать, не обязательно все пробовать, достаточно твоих отведать, — рассмеялась девушка. — Ну полно, не болтай с набитым ртом, — мягко одёрнула Аглая, хотя по глазам было видно: что-то женщину тревожит. — Мамуль, приключилось чего? Ты больно задумчивая нынче.

Женщина присела на скамейку рядом с дочерью.

— Понимаешь, отец меня беспокоит. Не здоровится ему вроде, а к фельдшеру не идёт — всё молодится. А коль чего случится как же я без него? Как мы?

Настя громко проглотила кусок блина и уставилась на мать, не мигая. Она не знала жизни без отца — да и знать не хотела. Даже представить не могла ни дня без него. Шибко была к батьке привязана.

— Значит так, — решительно сказала Настя и стукнула кулачком по столу. — Сама его отправлю! Ишь ты, молодится. Ничего, вдвоём-то мы его заставим лечиться. Она с надеждой посмотрела на мать:

— Да? — Хорошая дочка у нас выросла — Аглая обняла Настю и прижалась лбом к её плечу. — Мам, не бойсь, против двоих батя не пойдёт, подлатаем его, как новенький станет, — Настя старалась говорить уверенно, но где-то глубоко внутри шевельнулась тревога. — Ты, мамочка, отдохни, вижу, что маешься из-за отца. Я Дружка покормлю и грядки сама выполняю.

Каша получилась наваристой: Николай Семёнович зарубил петуха, поэтому Дружку достались петушиные лапки, голова да шея. Любая деревенская собака позавидовала бы его кормёжке.

— Дружок, ко мне, — скомандовала хозяйка и поставила миску к будке. Из-под крыльца, виляя хвостом и потягиваясь, неспешно вылез пёс.

Он уже принялся поглощать ароматное варево, когда Настя заметила у ошейника белый клочок. Пригляделась — к застёжке была привязана ниткой маленькая бумажка. Девушка развернула её:

«После коров у нашей берёзы» — было нацарапано неровным карандашным почерком.

— Вот, Макарка, затейник! — залилась хохотом Настя.

Она аккуратно свернула записку и положила в карман передника.

Работалось легко и радостно. Девушка выпалывала сорняки, складывала их на тачку и отвозила на край огорода. После набирала воду в небольшое ведёрко и ходила по рядам, орошая из ковшка будущий урожай живительной влагой.

— Стрекоза — вот работница! Умаялась поди? — Настя услышала ласковый, чуть хрипловатый бас отца.

Николай Семёнович пришёл на обед. Обычно Аглая собирала нехитрый паёк мужу с собой, но иногда он всё же приходил домой, чтобы отобедать в кругу семьи и вернуться в колхоз.

— Привет трудовому народу, — весело отозвалась дочь.

Девушка поставила ведро, окунула в него ковш и пошла к дому. Она пристально посмотрела на отца. Лицо его было слишком уж красным, будто спелый помидор.

— Ты чего так покраснелся, батя? — спросила Настя. — Душно, — коротко бросил он. — Да, вроде и солнца толком нет, и ветерок прохладный. Чего темнишь? — она прищурилась.

— Шёл быстро, чтоб не хватились меня. Пообедаем — и обратно надо.

«Ладно», — подумала Настя. «Мы ещё с тобой поговорим.»

Наступил вечер, которого девушка ждала с трепетом. Сердце замирало в предвкушении. Это чувство одновременно пугало и радовало.

— Му-у-у... — донёсся с улицы протяжный мычащий зов.

«Стадо с пастбища гонят», — радостно подумала Настя.

— Давай сегодня пораньше отстрояемся, — сказала она, едва мать переступила порог. — Что за спешка? — Аглая нахмурила брови, но лицо её выражало не сердитость, а скорее встревоженное любопытство. — Погулять вздумалось, — ответила дочь, опустив глаза. Щёки уже начинали пылать. — Ну что ж, пораньше, так пораньше. — Женщина накинула платок, в котором всегда ходила в хлев. От него пахло парным молоком, сеном и тёплым навозом. — Иди тогда, Вебре ведро вынеси — подою сама. И свиньям задай.

Настя обрадовалась, подхватила передник и побежала в летнюю кухню, где уже стояло приготовленное пойло. Быстро управившись, она метнулась в ещё не протопленную баню.

— Ты куда поскакала, стрекоза? Не нагрелось ещё! — крикнула ей вслед Аглая, но Настя уже не слышала.

Ополоснувшись на скорую руку прохладной водой, девушка вернулась в избу и принялась перебирать платье.

— Наська, простынешь с мокрой головой! Ну-ка, правду говори, куда собралась? — мать начинала сердиться не на шутку. Она смотрела так пронзительно, что Настя невольно съёжилась.

— Макарка... гулять зовёт, — тихо выдохнула девушка. — Макарка? Чего ж сам за тобой не зашёл? Али нынче сами девки за парнями бегают? — Ну, мам... — Настя покраснела ещё пуще. — Он позвал меня гулять, что такого? Мы же с детства дружим.

Аглая села на лавку и пристально посмотрела на дочь: — С детства, да только ты раньше как угорелая не бегала. Сам за тобой приходил. Ты смотри, девка, мы Макара давно знаем, парень он порядочный, лишнего себе не позволит. Но и ты честь блюди. Поняла меня? — уже мягче добавила она. — А коли правда ждёт, то и ещё подождёт. Давай хоть волосы просушим чутка.

Женщина достала полотенце и принялась методично промакивать Настины волосы.

— Мамочка моя... — девушка поймала её руку и прижалась к ней губами. — Давай-давай, собирайся уже, — ласково сказала Аглая.

Настя надела своё любимое платье василькового цвета — то самое, что отец в прошлом году привёз с базара, — накинула шерстяную кофту, послушно взяла у матери платок, чтоб голову не надуло, и направилась к двери.

— Смотри не задерживайся, не то поколочу! — улыбнулась мать. Она взяла кочергу и погрозила ею, будто и вправду собралась поколотить.

Но Настя знала: никто и никогда её тронуть не посмеет. Хотя дочерью она была послушной — если не считать тех случаев, о которых родители так и не узнали.

С весёлым смехом девушка выпорхнула из избы, слетела со ступенек и поставила миску Дружку. Тот сегодня лежал на своём месте, так что звать не пришлось. Пёс высунул мохнатую голову и забарабанил хвостом по стенке будки.

— Кушай на здоровье, — сказала Настя, подвинув миску ближе. — Я гулять, но скоро вернусь. Соскучиться не успеешь. — Она потрепала пса за ушами, расцеловала в морду и, наконец, вышла за калитку.

Макар стоял под берёзой уже больше получаса, нервно теребя в руках бумажный свёрток. Ладони вспотели, и он то и дело обходил дерево кругами.

«Может, не нашла записочку?... Эх, Макарка, простишь зря... Ну и ладно, завтра сам приду».

Он успокаивал себя, но в глубине души надеялся до дрожи. И когда вдали, на выезде из деревни, мелькнула знакомая фигурка, сердце его заколотилось так бешено, что пульс отдавал в горле.

«Пришла!» — радостно зазвенело у него в голове.

Сначала он было рванул навстречу, но тут же остановился, решив дождаться её на их месте, и замер, переминаясь с ноги на ногу. Свёрток бережно убрал в карман фуфайки. Настя увидела его и чуть сбавила шаг. «Дождался!» — обрадовалась она. В горле пересохло, в глазах звенело, по телу пробежала лёгкая, щекотящая дрожь.

— Стрекоза, ты что с мокрой головой шатаешься? — нарочито строго спросил Макар, когда она приблизилась. — Не успела просохнуть... мама платок дала, — ответила девушка, а про себя подумала: «И платя не заметил, что ли? самого красивого...»

«Ух, красавица!» — пронеслось у Макара в голове.

— Давай-ка надень платок, да фуфайку накинь, — он укутал её в свою просторную куртку. — Я вот картошки взял. Идём на реку, печёнки готовить! — подмигнул он. — Без соли? — спросила Настя, хотя соль волновала её меньше всего.

Макар подхватил черепеню с картошкой.

— Соль в кармане, в коробке'. И ещё кое-что... достань-ка.

Настя нащупала в кармане спичечный коробок и тот самый бумажный свёрток. Она вынула его и вопросительно посмотрела на юношу.

— Разворачивай, Настён, не скромничай.

Она развернула бумагу. Внутри лежал невероятно красивый синий платочек. В уголках были вышиты алые цветы, а края отделаны кружевом того же синего оттенка.

— Ой, какой же красивый, Макар... — девушка смотрела то на подарок, то на него, сияя. Она прижала платочек к груди. — Спасибо! — С матерью сегодня в район на базар ездили... вот и приглянулся, — Макар был смущён до глубины души, но изо всех сил старался держаться просто.

Настя сияла, как полированный самовар, а щёки её горели румянцем.

— Настён, садись-ка вот здесь, а я веток натаскаю, — юноша указал на знакомое бревно, лежавшее на берегу столько лет, сколько они себя помнили.

Он поставил картошку на землю и принялся собирать хворост. Девушка снова достала подарок и начала разглядывать его при тускнеющем свете. До чего ж красивый! Макар разжёг костёр.

— Давай, стрекоза, грейся, — улыбнулся он и поправил платок на её голове.

«Хорошо, что уже сумерки, — подумала Настя. — А то увидел бы, какие у меня щёки».

А Макар и не думал смотреть на щёки. Он просто любовался её лицом, освещённым трепещущим пламенем, и был бесконечно горд и счастлив, что подарок пришёлся ей по душе.

— А помнишь, как я колено раскровенила? — вдруг спросила она. Юноша улыбнулся: — Ещё как помню. Тащил тебя до самой деревни на закорках. Потом к фельдшеру возили, рану зашивать. Настя рассмеялась: — Да уж... восемь лет прошло, а будто вчера. — А помнишь, как я на заборе у деда Игната повис, а ты меня стащила? Мамка потом такого нагоняя устроила за порванные штаны...

И они захохотали одновременно, громко и беззаботно, как в детстве. Казалось, время остановилось, и во всём мире не осталось никого, кроме них двоих. Они ели запечённую в золе картошку, перемазывали друг другу лица сажей и смеялись до слёз. Сердца трепетали от восторга. Не было ни вчера, ни завтра — только здесь и сейчас, где им было так тепло и хорошо вдвоём.

Солнце уже садилось, заливая берег багровым закатом. Кузнечики стрекотали дружным хором. Становилось прохладно.

— Поздно уже, пора по домам, — с неохотой сказала Настя. — Да, пора, — согласился Макар. — А то твои хватятся. Да и озябнешь в таком платьице...

«Заметил!» — радостно ёкнуло у девушки в груди. Но уходить совсем не хотелось.

Юноша зачерпнул речной воды и залил тлеющие угли, потом помог ей подняться, снова накинул на её плечи фуфайку и взял за руку. Он смотрел прямо в глаза.

Настя не выдернула ладонь, а, наоборот, сжала его пальцы чуть крепче. Макар улыбнулся, и сердце его радостно встрепенулось. До деревни они шли медленно, почти не разговаривая.

— Я сама дойду, — сказала Настя, пытаясь высвободить руку. Макар сжал её чуть сильнее: — Ну уж нет, поздно, темнеет. Одну не пущу. Если надо — до самого дома доведу и в руки Николаю Семёнычу передам. И повёл её дальше. Руку Настя всё же отпустила — мало ли кто увидит.

За калиткой послышался радостный визг. — Дружок меня встречает, — сказала Настя. — Передавай ему привет, — ответил Макар.

Они стояли и смотрели друг другу в глаза, и ни один не решался сделать первый шаг к расставанию. Взгляды горели, щёки пылали. Как же не хотелось расставаться! Слишком мало времени они провели вместе, слишком мало сказали, не нагляделись, не надышались друг другом.

— Пойду я... — наконец выдохнула девушка. Макар взял её руку и чуть сжал: — И я пойду, стрекоза.

Скрипнула калитка. Вот она уже вдыхает родной запах собачьей шерсти, чешет Дружка за ухом. — Скучал, мой хороший? Скучал... — она чмокнула пса в морду и пошла в избу.

Макар не спеша брёл по погружающейся в сумерки деревне, вдыхал влажный вечерний воздух, глядел, как солнце забирает с земли последние алые лучи. И душа его пела.

Глава 5

Егор курил самокрутку на заваulinке, когда услышал знакомый голос. Чуть пригнувшись, он подошёл к забору и заглянул в щель.

«Вот тебе и Настюха» — подумал он. «Ко мне выйти не захотела, а с Макашкой гуляешь, значит.»

Злоба накрывала его с каждой секундой всё сильнее, ладони вспотели. Потом пришло осознание беспомощности — не может заставить девушку выйти к нему, не может набить сейчас Макашке рожу. Егор видел, как ребята стояли друг напротив друга, не решаясь разойтись, как Настя исчезла за калиткой, а Макар пошёл прочь.

— Егорка, сукин ты сын! Я велел тебе чаю сделать отцу! — рявкнул голос за спиной.

Юноша вздрогнул — то ли от неожиданности, то ли от испуга, он и сам не понял.

— Иду, — глухо отозвался Егор.

Настя вошла в дом и увидела, что отец сидит на кровати, а мать обтирает ему лицо и руки охлаждённым полотенцем. Ноги он поставил в таз с водой, от которой поднимался пар.

— Папа, что случилось? — девушка бросилась к отцу. — Не бойсь, стрекоза, всё пройдёт. Давление чуть скакануло, мать панику навела. Сейчас отлежусь. — Давление у него скакануло, — взволнованно сказала Аглая. — Всё ерепенится, к фельдшеру не идёт.

И уже чуть не плача добавила:

— А случись что, куда мы без тебя, а, Николай Семёныч. Старый ты дурак!

Женщина никогда себе не позволяла резкостей в сторону мужа, но сейчас было видно, что она очень расстроена, и вот-вот разрыдается. Отец опустил виновато голову, лицо его было красным, как только из бани вышел.

— Ну, мам, — тихо сказала девушка. — Не ссорьтесь, — она похлопала Николая Семёновича по колену. — Сходим завтра к тётё Шуре, на фельдшерский пункт, а, пап? — Сходим, дочь, ходим, я только до обеда в колхоз. Сказаться же надо. Да и дело у меня неотложное. А после обеда пойду.

Аглая бросила полотенце на пол, села на табурет, поставила локти на стол и закрыла ладонями лицо. Плечи её подрагивали.

— Ты бы видела, Настя, его сейчас чуть удар не хватил! Ведь говорила я, давно уже говорила, не слушает он меня. И тебя не слушает — в колхоз собрался. С утра надо тебе идти, а лучше ехать. Сбегаю к деду Игнату, пусть хоть на лошадёнке своей тебя довезёт.

— Ну-ка цыц, мать, отставить слёзы, — сердито сказал отец. И уже мягче добавил: — Аглаюшка, ну куда я от вас денусь? Нам ещё дочь поднимать, замуж выдать да внуков понянить. Всё одно, у Наськи на свадьбе погуляю, а, дочь?

Николай Семёнович старался держаться молодцом, но сейчас не удавалось скрыть как сильно болит его голова. Он то и дело морщился и потирал висок. Девушка под села к матери, обняла её за плечи:

— Вот видишь, завтра батя ходит, и я пойду с ним, прослежу. Тебе бы самой полежать, а? Сейчас ромашки заварю, в чуланке с того года ещё висит.

Она поцеловала мать в макушку и отправилась заваривать чай. Настя старалась быть спокойной, но на сердце стало очень тревожно. Хотелось заплакать вместе с матерью, только она должна была быть сильной.

Ночью завыл Дружок, да так, что кровь в жилах стыла. Он скрёбся в дверь, выл протяжно и жалобно. Настя несколько раз выходила к нему, гладила, чесала за ухом, только всё бестолку: стоило ей вернуться в избу — вой начинался снова.

— Друженька, ну что же такое приключилось? — ласково говорила она. — Ты часом не захворал?

В конце концов хозяева сдались и пустили пса в дом. Он улёгся у родительской кровати и только тогда затих.

Утром, когда Николай Семёнович отправился в колхоз, Дружок увязался за ним, тёрся о ноги.—Чего ты, старик, удумал? С собой не возьму, — говорил хозяин строго, но пёс не слушался.—Ну, полно тебе уже, чай не на войну провожаешь, — он присел на корточки и обнял Дружка. — Не тревожься, лучше Аглаю с Настёной охраняй а я вечером тебе кость принесу, обязательно. Договорились? Ну всё, всё, опоздаю ж.

Мужчина поднялся, ещё раз потрепал пса за ухом и вышел за калитку. Дружок заскулил и лёг у калитки, не сводя с неё глаз.

Вышла Настя. Пёс тут же подбежал к ней и прижался к ногам.

— Маленький мой, я тебе завтрак вынесла, давай поедим? — она поставила миску у будки и присела рядом.

Но Дружок не ел. Он только заглядывал ей в глаза и едва заметно подрагивал хвостом. На крыльцо вышла Аглая.

— Мам, может, он заболел? Сбежать в колхоз что ль за ветеринаром? — встревоженно спросила девушка.— Да вчерась бегал как телок, что за ночь с ним сделается? — женщина подошла к будке и потрепала пса по голове.

Тот поджал уши и облизал ей руку.

— Нос мокрый, холодный, глаза чистые, — задумчиво проговорила Аглая. — Ты что, старик? А ну-ка ешь давай, пока твоя хозяйка врача к нам не притащила — она может.

Дружок послушно облизнул кашу с миски, но не доел.

— Ну вот, Настён, ест, пьёт, значит не помирает, — сказала Аглая. — Сейчас корову подоим и парного молочка тебе принесём. Она похлопала пса по спине и ушла в сарай.

— Эх, Друженька, напугал ты нас, — Настя зацеловывала пса в макушку и в морду. — Разве ж так можно хулиганить?

Она старалась быть спокойной, но где-то глубоко внутри зудела тревога — будто тоненьким сверлом, всё глубже, кто-то осторожно вкручивал в сердце.

Настя поливала огород, дёргала сорняки, а сама то и дело забежала в дом — поглядеть на время. Ждала обеда отца, чтобы сразу после него вести Николая Семёновича к тёте Шуре.

День выдался жаркий, знойный — таких этим летом ещё не бывало. Солнце пекло нещадно, оставляя на коже красные следы, пот бежал в три ручья. Николай Семёнович шёл по полю на тракторе — пропахивал землю под осенний сев. В кабине было душно, воздух стоял тяжёлый, раскалённый. Оставалось пройти ещё пару-тройку рядов, и можно было ехать домой.

Вдруг резкая боль пронзила голову, будто гвоздь вбили в висок, в глазах поплыло.

«Ты что удумал, Семёныч» — говорил он себе. «Сейчас передохнём чуток и всё пройдёт.»

Мужчина заглушил трактор, открыл дверь, чтобы вдохнуть свежего воздуха и выпал из кабины прямо на свежевспаханную землю.

— Наська! Тётя Глаша!

Настя услышала истошный крик и выглянула через забор. У калитки стоял взмыленный Егор — лицо и рубаха были мокрые от пота.

— Что ж ты орёшь, как резаный? — встревоженно спросила девушка.— Наська, там батя твой того.— Чего — того? — нахмурилась Настя.

— Ой! — на крыльце вскрикнула Аглая и повалилась на пол.— Мама!

Настя бросила ведро с водой, кинулась к матери. Ведро опрокинулось, вода расплескалась и потекла по борозде.

Егор перемахнул через калитку и в два прыжка оказался на крыльце. Дружок лежал под ступенями и даже не поднял головы. Из его глаз текли слёзы и терялись где-то между шерстинок.

— Тётъ Глаш, тётъ Глаш! — юноша приподнял женщине голову, осторожно шлёпая по щекам. — Мамочка, мама! — кричала Настя, упав рядом на колени. — А ну не голоси! Воды тащи давай! — рывкнул Егор.

Настя вскочила и бросилась в избу. На родной, с детства знакомой кухне она вдруг не могла вспомнить, где лежит ковш. Схватила глубокую миску, зачерпнула холодной воды и побежала назад.

Егор вырвал посуду у неё из рук, набрал в рот воды и окатил Аглаю. Женщина открыла глаза.

— Ко-о-ля! — заголосила она. — Коленька мо-о-ой! Наська, что же теперь мы, а?

Она рыдала, лёжа на крыльце.

Только теперь Настя стала понимать происходящее. Она медленно сползла по стене на колени. В ушах звенело.

— Ещё тебя водой окатить? — резко сказал Егор. — Подымайся, мать в дом завести надо.

Настя не понимала, что делает. Просто слушалась — и выполняла. Они подхватили Аглаю под руки и волоком затащили в избу.

— На койку давай, Настюх, — скомандовал Егор.

Когда они уложили голосящую женщину на кровать, юноша налил воды в кружку и протянул Насте.

— Держи, — тихо сказал он.

Девушка молча взяла кружку из рук юноши, сделала пару глотков и вернула её Егору. Она смотрела перед собой, не мигая. На койке тихонько выла Аглая. Егор взял Настю за плечи, заглянул в глаза:

— Мамке твоей совсем худо. Я за тётей Шурой, ты гляди за ней, поняла?

Он сказал это громче, почти резко. Настя кивнула. Юноша одним махом перескочил ступени крыльца и выскочил за калитку. Бежал быстро, не разбирая дороги. В памяти вдруг всплыло, как он также мальчишкой нёсся к фельдшеру, грязными ладошками размазывая по щекам слёзы, только для своей матери. Сердце сжалось. Егор остановился, ухватился рукой за забор и прижал кулак к груди.

— Егор, ты чего? — навстречу шёл Макар. В руках у него был маленький букетик незабудок.

Он похлопал Егора по плечу и переспросил: — Худо?

Юноша лишь отмахнулся и пошёл вперёд. Затем остановился и сказал: — Батя у Наськи помер. Я за фельдшером.

Но последнюю фразу Макар уже не услышал. Он рванул со всех ног к Настиной избе. Войдя, он увидел: на койке, глухо мыча, раскачивалась Аглая. Настя сидела на полу у кровати, обхватив колени и прижавшись к ним лбом.

Она подняла голову: — Макар

Тут же вскочила, кинулась к нему на шею и разрыдалась. Юноша обнял Настю обеими руками, гладил по голове. По его щеке скатилась слеза.

— Бедная моя, стрекоза — шёпотом говорил он.

Девушка уткнулась лицом в его грудь и закричала — громко, отчаянно, как будто рвалось что-то внутри. Аглая не реагировала. Она всё также раскачивалась из стороны в сторону.

Егор привёл фельдшера, она поставила женщине укол — та уснула.

—Держись, девонька, — сказала тётя Шура. — Тебе нельзя расклеиться. Мать совсем никакая.

Она достала пузырёк валерианы и поставила на стол:

—Будешь давать ей. Да сама выпей. А я завтра зайду, проведу.

— Тёть Шур, — сказал Макар, — вы мать мою покличьте сюда. А я дома за скотиной управлюсь.

Женщина кивнула и вышла. Ребята сидели молча, не смотрели друг на друга. Настя гладила мать по голове и утирала редкие слёзы.

Вошла мать Макара.

—Здорово, молодёжь, — она окинула избу быстрым цепким взглядом. — Настюш, я у вас сегодня ночью. Управимся вместе с делами, да за Аглаей погляжу.

Антонина скинула галоши и поставила на круглый вязаный коврик у дверей.

—Так, мужики, сейчас воды натаскаете. Чтоб вся тара полной была: в бане, в огороде бочка, дома — кадушки. Парни молча поднялись и вышли.

—Спасибо, тёть Тонь — шёпотом сказала Настя.

Женщина подошла, обняла девушку крепко.

—Держись, казак, атаманом будешь. Ты теперь матери ох как нужна. Ради неё держись, девка.

Она похлопала Настю по плечу, подхватила галоши и вышла следом за ребятами, обуваясь на ходу.

Девушка осталась сидеть у койки. Аглая спала — лишь изредка подрагивала и тихо подвывала во сне. Настя осторожно гладила мать по волосам.

— Ну всё, девка, — сказала Антонина, входя в избу. — Со скотиной управились.

Следом вошли парни.—Настюх, я пошёл, — сказал Егор. Ты кличь, если что надо будет.

Настя молча кивнула.

Макар подошёл к ней, обнял за плечи и поцеловал в макушку:

— Держись, стрекоза Ты не думай — мы тебя одну не оставим. Мать с вами сегодня, я завтра зайду.

Юноша утёр ладонью слезу на её щеке. Сердце его разрывалось от боли: Настя была бледной, опухшей от слёз и словно опустевшей.

Она чуть сжала его руку, отпустила, и снова села рядом с матерью. Егор всё это время стоял в стороне и молча наблюдал. Лишь когда Макар направился к выходу, он шагнул следом за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.